

18+

NADI MUSTAFINA

Сыграй мне свой реквием

Nadi Mustafina

Сыграй мне свой реквием

«Издательские решения»

Mustafina N.

Сыграй мне свой реквием / N. Mustafina — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513137-9

Тайны — это то, что делает нашу жизнь интереснее, острее, и не всегда это бывает безопасно. И не важно, Ваша это тайна или соседской девчонки из неблагополучной семьи, а может это тайна «опера» который долгие годы доблестно служил, и в один час вся его жизнь перевернулась. Ох уж эти тайны. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-513137-9

© Mustafina N.
© Издательские решения

Содержание

Сонечка	6
Счастливая лапка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сыграй мне свой реквием

Nadi Mustafina

© Nadi Mustafina, 2020

ISBN 978-5-0051-3137-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Редактор

ЛизаЗолотухина@lizaglum

Иллюстратор

*ОксанаСизякова@sanasi_*

Сонечка

Сонечка тряслась в старом грузовичке. Она переезжала к тётке Вале в тайгу. Девочка пальчиком водила по грязному стеклу, обводя струйки дождевой воды. Грустно ли ей было? Наверное, нет. Она уже стала привыкать к новым домам, новым семьям. Сейчас это была уже третья семья, которая взяла её.

Она вспоминала тётю Таню. Это была большая, грузная и очень добрая женщина. И жили бы они хорошо, тихо, спокойно. Но приёмная мать захворала, и Сонечке пришлось вернуться в детский дом. Девочка пробыла там немного. Вскоре нянечка позвала её в кабинет заведующей «с вещами». Это означало только одно – скоро сирота снова будет дома. Но вместо тёти Тани, которую Сонечка ожидала увидеть, за ней приехала семейная пара...

Грузовичок притормозил. Тётя Валя скомандовала:

– Хватай мешок с пожитками, приехали.

Дом у неё был свой, деревянный. Краска давно облупилась, но местами проглядывалось, что когда-то он был зелёного цвета. Ставни на окнах были резными и тоже когда-то красивыми. На крыше лёгкий ветер играл с фигуркой петуха.

Сонечка держала в руках небольшую связку, вещей-то у неё своих было совсем мало. Байковое платице, косынка мамкина, две книжки с любимыми сказками, метрика, затёртое фото мамки с папкой. На снимке родители были счастливые. Они часто ездили в командировку в Москву. Из столицы однажды так и не вернулись. Сонечка уже не плакала, просто очень скучала по ним. Но слёз больше не было. Сама себе запретила плакать – в детдоме плакс не любили.

– Ты чего застыла? Проходи, – крикнула тётка Валя.

Сонечка зашла в дом. В сенях – сложенная стопка дров, лавка с ведрами, вязаные дорожки на полу. В комнате – печка, две кровати с белоснежными кружевными подушками, стол, шкаф и кошка. Рыжая, как Сонечка. Девочка улыбнулась и взяла животное на руки.

– Это кошка наша. Звать её никак, кошка и всё тут. Мышей ловит, на том и спасибо ей.

Сонечка поглаживала рыжую мурлыку. Она была тёплая, пушистая, молочком пахла. Кошка отвечала ей взаимностью.

– Мой руки, рукомойник в сенях. И давай за стол, там и пообщаемся, – проговорила хозяйка.

Тётка спрашивала, как девочка жила, что за характер у неё, чтобы знать. Про себя рассказывала, что любит трудолюбивых и честных, потому что сама из таких.

Сонечка прижилась у тётки Вали, помогала ей по хозяйству. Вечерами та девочке сказки рассказывала. Неплохо жили.

Однажды рано утром тётка разбудила её и сказала, что в лес пойдёт за грибами, к обеду воротится. Девочка сонно кивнула и легла досыпать. Разбудил Сонечку стук в дверь. То был почтальон. Он сказал, что тётке звонок заказан на почту из Москвы, важный. Так что, мол, пусть она срочно бежит за Валентиной. Девочка схватила со стола пирожок с брусникой, на ходу натянула сапожки прямо на босу ногу, схватила фуфайку, накинула платок и побежала в лес.

Ходила Сонечка вокруг окраины леса, кликала тётку. Так, шаг за шагом в густой чаще и оказалась. Обернулась, оглянулась – края леса-то и не видать. Девочка то и дело звала тётку, а после стала просто звать на помощь. По дороге она набирала ягоды, да такие, какие раньше не видела. Но они были вкусные, чуть кисловатые, конечно, но есть хотелось сильнее.

В лесу стало заметно темнеть и холодать, пальцы на ногах девочки уже онемели. Сонечка забралась на пень, поджав колени, облокотилась на дерево и с надеждой, но уже слабым, дро-

жащим голосом продолжила звать на помощь. Вот только кроме своего голоса, разносящегося эхом по лесу, она никого и ничего не слышала.

Сонечка вспомнила вторую семью. У женщины, которая забрала её из детского дома, были всегда холодные руки и очень грустные глаза. Она чаще была молчалива, всё время о чём-то то ли думала, то ли мечтала. Любила расчесывать Сонины волосы и заплетать в косы.

Мужчина, муж её, почти не бывал дома: утром уходил рано, а приходил за полночь. За всё время он к Сонечке подошёл всего-то два раза. Первый – ещё в детском доме, когда приехали девочку забирать, второй – когда к ним однажды приходили гости.

Вскоре они развелись. Мужчина ушёл с чемоданом из дома, а женщина всё время плакала или спала. А вскоре Сонечка опять вернулась в детский дом. Что было дальше с той женщиной, она не знала, но девочке было её очень жаль.

С этими мыслями Сонечка задремала, но, потеряв опору, рухнула с пня. Вокруг была густая чернота. Девочка подождала, когда глаза привыкнут к темноте, чтобы хоть как-то сориентироваться. Потом встала, решив, что попробует пойти обратно, откуда пришла, но не смогла сделать ни шагу. За ногу что-то держало. Она стала дёргать конечностью. Безуспешно. Тогда девочка схватилась руками за ствол дерева и дёрнула ногу со всей силы, та вылетела из сапога.

Прыгая на одной ноге, Сонечка наклонилась за обувкой. Каково же было её удивление, когда она увидела, что сапог просто стоял на земле. Девочка с лёгкостью подняла его. Натянув обувь обратно и закутавшись покрепче в фуфайку, Сонечка попыталась вспомнить, с какой стороны пришла. И в этот самый момент мимо неё с необычайной скоростью, оставляя за собой шлейф ветра, что-то пронеслось. Или кто-то?

Сонечка застыла в оцепенении, стала ещё пристальней всматриваться в темноту и прислушиваться к дыханию леса. Ничего. Абсолютно. «Наверное, птица ночная», – подумала она. И тут стало совсем не по себе – девочка вспомнила про диких животных. Внутри всё похолодело, а сердечко застучало так сильно и быстро, что вот-вот готово было выпрыгнуть из груди.

И вот снова нечто пронеслось возле неё. Сонечка зажмурила глаза. В этот момент девочка сильнее всего хотела открыть их и оказаться дома в кровати, проснуться от стука почтальона, чтобы всё это оказалось сном. Но нет, открыв глаза, она всё так же стояла в тёмном сыром лесу, всё так же было холодно. А ещё – страшно, дико страшно от неизвестности.

– В волшебном лесу, где дорожки из роз, живёт волшебный единорог. Он деткам читает стихи. И любит конфеты и мармелад, он кушает часто шоколад, он деткам поёт о любви... – Сонечка стала напевать песенку, которую в детстве для неё сочинила мама. Та пела её всегда, когда дочке становилось страшно.

Тут она почувствовала тёплое дыхание в затылок. Повернувшись, Сонечка увидела перед собой... настоящего единорога, белоснежного от гривы до хвоста. И он жевал шоколад! От изумления девочка открыла рот. Она не понимала, как это и что вообще делать. В этот самый момент единорог растворился белёсым дымом в воздухе, оставив после себя лишь небольшое свечение.

Сонечка так и продолжала стоять на месте, будто вкопанная. Вдруг на неё сверху стали сыпаться шишки. Причём не просто так падали – кто-то словно сверху обстреливал ими девочку. Она чуть присела и, закрывая лицо руками, побежала. Бежала, не оглядываясь, так быстро, как только могла. И тут на пути оказался фонарь. Это было ещё куда страннее – увидеть посередине леса одинокий фонарь. Любопытство, конечно, взяло вверх. Сонечка подошла к фонарю, внимательно рассмотрела его сверху вниз и снизу вверх, потрогала. Возможно, девочка ещё плохо разбиралась в этом вопросе в силу возраста (а было ей девять), но была уверена: чтобы горел свет, нужно электричество. Уж его-то в такой глуши точно не было!

Повернув голову вправо, Сонечка увидела второй фонарь, потом третий. А вскоре они и вовсе стали зажигаться один за другим, создавая красивую аллею, которая так и манила

Сонечку пройтись по ней. Всего лишь на секунду девочка замешкалась, обернувшись назад, а потом шагнула вперёд, где-то внутри понимая, что может больше не вернуться.

Сонечка двигалась по освещённой аллее и больше не оглядывалась. Но боковым зрением видела, что очередные фонари сразу же тухли, как только она проходила мимо них. А вот и последние источники света. Куда же они её привели и зачем, если вокруг был всё тот же лес?

Девочка стояла в нерешительности, боясь, что стоит только сделать еще шаг, и эти фонари тоже погаснут. А оставаться в полной темноте не хотелось совсем.

Тут Сонечку кто-то толкнул в спину. Да с такой силой, что она даже упала вперед. Конечно же, фонари погасли, как девочка и опасалась. Она так и продолжала лежать, не шевелясь, в ожидании, что будет происходить дальше. Как ни странно, но уже было больше любопытно, чем страшно. И вот снова этот некто пронёсся мимо, оставляя шлейф ветра.

– Кто ты? – тихо спросила Сонечка.

Ответа не последовало. Вместо этого – только глухая тишина и непроглядная темнота. Девочка даже вытянутой перед собой руки не видела. И сейчас она почувствовала себя так, как в тот день, когда её впервые забрали в детдом. Тогда Сонечка не знала, что происходит, не понимала, почему мама и папа за ней не приходят. Каждый день стояла у окна и ждала их, верила, что родители любят её, что просто не могут пока найти, но обязательно найдут. А как иначе? Ведь она их так ждёт и любит.

Целых полгода ждала, пока вредный Борька не рассказал, что Сониных мамки с папкой больше нет: он слышал, как воспиталки говорили, мол, надо бы сказать Сонечке, но никто не решался, уж очень она отличалась от всех деток. Борька ждал от неё тогда реакции, он специально это сказал, со зла, чтобы вывести. А девочка просто подошла, положила ему свою ладошку на щёку и, посмотрев прямо в глаза, сказала:

– Просто почувствуй, как от боли сжато моё сердце.

Борька расплакался. Может, и правда, почувствовал. Может, от обиды, что план его не сработал. Но только после того дня он всегда защищал и оберегал девочку от всех.

– Не бойся, дружок, не спит единорог, на помощь к тебе он спешит, ты глазки закрой, представь, что с тобой, и страх навсегда улетит, – Сонечка стала напевать мамину песенку. Она не понимала, почему с ней это всё происходит. Девочка лежала на сырой холодной земле в тёмном лесу. Совсем одна. Никому не нужная.

– Почему это одна? А я что, не в счёт?

Сонечка, конечно, опять ничего и никого не увидела. Поэтому с досадой ответила:

– Если я тебя не вижу, то не в счёт!

– А кто же тогда для тебя всё это сделал? И фонари, и единорога из песни, а?

– А зачем ты это делаешь?

– Вот те здрасте, неблагодарная какая. Я её веселю, чтоб ей тут скучно не было, а она – зачем...

– А я и не просила тебя! Я в лес за тёткой пришла, а не за весельем.

На это некто промолчал. И Сонечка даже не понимала, тут он ещё или уже исчез. Девочка закрыла глаза. Она сильно устала, хотелось поспать: положить голову на белоснежную наволочку тётки Вали, развернуться на мягкой перине, укрыться ватным одеялом. Но ещё больше – поесть ароматной картошки из печки и выпить кружку тёплого молока. В животе от этих мыслей тут же заурчало.

– Эй, хватит спать! Ешь давай.

Сонечка открыла глаза и увидела перед собой миску картошки и кувшин с молоком. Один из потухших фонарей зажёгся, но уменьшился до размера небольшой лопатки и теперь словно ночник освещал пень, на котором стояла еда. Девочка вдоволь наелась, предпочтя не размышлять о том, откуда всё это взялось.

– Спасибо, было вкусно, – поблагодарила она невидимого кормильца.

– Ещё бы! Это же из печи твоей тётки, – ухмыльнулся некто.

Сонечка была такой уставшей, да ещё после сытной трапезы клонило в сон. Поэтому даже не удивилась тому, что её угостили именно тем, о чём только недавно подумала. Зато у девочки промелькнула мысль: «Ну а где перина-то? Не всё, значит, можешь!»

– Как это не всё? Всё могу! – с обидой сказал некто. – Мне просто не всё разрешено, а могу я всё. Смотри!

И тут в темноте необыкновенным голубым свечением разлилось озеро, прозрачное и красивое. На него можно было смотреть словно в стекло, за которым плавали дивные рыбки, а на поверхности мягко скользили лебеди. Сонечка любовалась этим чудом, как завороченная.

– Посмотрела? И будет с тебя! А то бабка хватится своих лебедей, и влетит мне потом, – второпях объяснялся некто.

– Ну а звать-то тебя как? – спросила девочка. – Раз увидеть тебя не могу, хоть назовись.

– А чего нет? Есть, конечно, – ответили ей из тьмы. – Кузьма я. Ты иди дальше вдоль фонарей, а мне покамест отлучиться надо. Бабка уже обыскалась.

Лес опять наполнился светом фонарей, и Сонечка послушно отправилась по аллее, уже совсем не боясь. Девочка дошла до забавной избушки. Домик был совсем небольшой, похожий, скорее, на большую собачью будку, нежели на жилище людей. Сонечка заглянула внутрь. Было темно-темно.

– А стучаться тебя не учили? – спросил скрипучий женский голос.

– Учили. Да только дверей-то тут нет, вот и не постучала, – как можно вежливее проговорила девочка, хотя голос незнакомки ей очень не понравился, даже напугал.

– Проходи, поклонись избе и скажи: «На чужой порог ступаю, что увижу, выйдя – забываю».

Девочка сделала, как было велено. В избе зажгся свет, и Сонечка ахнула от увиденного. Посреди комнаты стоял огромный стол, прямо из него росло дерево, красный клён. По дому важно расхаживали огромный белый кот и чёрный ворон. Ещё в углу стояла большая печка. Под потолком спали летучие мыши, а на стене висело красивое зеркало, будто хрустальное. Стены все тёмные, окон не было вообще. А свет получался от расставленных там и тут лампадок.

– Ты, поди, устала всю ночь шарaxаться по лесу? Давай-ка я тебя накормлю, в баньке попарю и спать уложу, – сказал тот же скрипучий голос.

Тут Сонечка увидела хозяйку дома. Скрюченная старушка стояла, опираясь на палку. С виду это была обычная бабушка, вот только одной в ней пугало... Глаза у хозяйки домика были полностью белые. Девочке было непривычно и жутко в них смотреть. Сонечка вообще не понимала, как старушка могла видеть хоть что-то.

– А ты не переживай, вижу. Лучше тебя вижу и слышу, – со смехом ответила бабка.

– А вы, бабушка, хозяйка леса всего? – неуверенно спросила Сонечка.

– Хозяйка, хозяйка! А ты попросить чего-то хочешь? – уточнила старуха и в секунду оказалась около девочки. Та аж вздрогнула от неожиданности. – Ты попроси, не стесняйся. Глядишь, помогу тебе.

– Мне бы, бабушка, домой вернуться, к тётке. Если вы хозяйка и всё можете, то вам, наверное, нетрудно отправить меня обратно. Пусть вон хоть Кузьма проводит, – аккуратно попросила девочка.

– Тьфу ты! Ишь, какая! Не просто ты в мой дом попала. Услугу мне окажи. согласишься – верну тебя домой, а нет – жить тебе у меня... вечно!

От этих слов у Сонечки мороз по коже побежал. «Да как такое может быть вообще?» – не понимала девочка, но выбора не было. Из избы выбраться она тоже не могла – дверь куда-то пропала, будто сравнялась со стеной. Пришлось согласиться на бабкино предложение.

– А что делать-то нужно, по хозяйству что помочь?

– Да помощников у меня по хозяйству хватает, – ответила старуха. – Валерон да Пернатый вот, – бабка кивком головы указала на кота и птицу.

– А что же я тогда могу? – спросила Сонечка.

– Видишь, клён стоит? Деревце это очень ценное для меня. Ему помощь моя нужна, а я вот помочь не могу. Хоть хозяйка леса, а туточки бессильна. Клёну водица нужна и не простая, а ключевая. А добыть её может только чистой душой человек, да при этом слезы не уронить. А ты, как я знаю, не из плаксивых. Так вот, водицы той много надо, каждый листочек умыть да дать напиться деревцу. Тогда оно ещё лет сто проживёт.

– А где же я этой водицы найду? – удивилась девочка.

– Кузьма с лебедями дорогу тебе укажут. Завтра по зорьке и полетите.

Поутру бабка девочку разбудила, кашей накормила, молоком напоила да в дорогу собирать стала, кiset рукодельный под водицу вручила.

– Прежде чем водицы набрать, тебе нужно из крапивы себе лапти да рукавицы связать. А иначе не войти в воду – ноги обожжёшь. А крапивы той надо нарвать, что там растёт, но нарвать можно только с закрытыми глазами, а иначе слепая останешься. Дальше Кузьма скажет, что делать, и проследит за всем.

Старуха на ладошку себе сыпанула порошок какой-то, дунула на стену – дверь появилась. Вышла Сонечка из избы, а лебеди уже ждали. Запрыгнула на спину самой большой птице. Взвился лебедь в небо.

Летела девочка, по сторонам глядела и диву давалась – как красиво. А про себя думала: «Где же Кузьма-то? Там, что ли, ждать будет?»

– Здесь я, рядом! – услышала знакомый голос Сонечка.

Долетели быстро. Лебеди приземлились у озера.

– Они нас тут ждать будут, пусть пока поплавают да последят, чтобы глаз лишних не было, а нам воон туда идти, – сказал Кузьма.

– Куда туда? – спросила Сонечка. – Я ж тебя не вижу.

– Тьфу ж ты, иди в сторону крапивы высокой, я следом пойду.

Дошла девочка до крапивы, а та аж выше неё. Стала она в заросли заходить, а крапива злая, в волосы цеплялась, в глаза лезла. Вспомнила Сонечка наказ бабки, зажмурила глаза. А крапива всё равно кусалась больно. Тут Кузьма сказал ей:

– А ты поздоровайся и скажи: «Матушка-травушка, ляг да успокойся, я с поклоном пришла, твоя помощь мне нужна».

Сонечка так и сделала. Нарвала крапивы, а как вязать из неё не знала.

– Ох, да чему вас только учат? – возмутился Кузьма. – Раньше девица всё могла, всё умела, а сейчас... тьфу!

Тут Сонечке, конечно, неудобно стало. Вспомнила она сказку, где девочка рубаху для братцев из крапивы плела, сделала так же.

– А теперь иди за голосом моим.

Сонечка пошла на голос Кузьмы. Иногда девочке казалось, что он её за руку держал. Так дошли до ручья того, где ключевая водица была. Она рукавицы и лапти надела да в воду зашла. А та холодная-холодная, аж ноги жгло, даже через лапти. Стоять мочи не было.

– Иди, иди, не стой, – скомандовал Кузьма.

Набрала девочка водицы, ох нелегко это было. Ноги горели так, что волдыри появились. Вот какая ледяная водица была.

Воротились они обратно. Бабка рада была, что получилось водицы достать.

– А теперь ты должна этой водицей листья обмыть, – сказала старуха.

Залезла Сонечка на стол, стала листья обмывать, а про себя подумала: «Тут делов-то! За час управлюсь и домой отправлюсь». Но не угадала девочка: до глубокой ночи ей удалось только пару веточек отмыть, грязь на них вековая была, да и водица закончилась.

Так она почти две недели каждый день за водицей той летала, ноги свои в кровь отмораживала, ходить еле-еле стала.

– Ягунюшка, ты бы девчонке ножки смазала, заговорила, что ль, а то не домоет она так деревце твоё, – осторожно предложил Кузьма.

– Ишь ты, защитник нашёлся! Нельзя мазать и заговаривать нельзя. Чистая она должна туда ходить, без колдовства. А то ты сам не знаешь... Ничего, домой хочет – стерпит.

И Сонечка терпела, каждый день терпела и не плакала. А с Кузьмой они подружились, уж очень девочка по душе ему стала, полюбились. И слово ласковое скажет, и сказку расскажет.

В один из дней долетели они вновь до озера. По дороге к крапиве Кузьма и сказал:

– Не вернёт тебя бабка домой, у себя оставит. Заморозит на сто лет, чтобы ты за водицей ходила. Никто до тебя так долго не выдерживал, хотя бабка ох как правильно выбирала девиц. Бежать тебе надо, а я помогу.

Воротились домой. Сонечка принялась за мытьё клёна. Бабка поела грибов, наказ дала да спать пошла. Девочка дождалась, пока Яга крепко уснёт, и в карман к ней за порошком полезла. Достала, на ладошку положила, а слов-то не знает. Тут Валерон ей мяукнул:

– Дуй, а я слова скажу.

Та дунула, а кот произнёс:

– Явись невидимое, обернись, расступись, путь к крыльцу покажись.

Сонечка поблагодарила кота и в лес побежала. Тут и Кузьма рядом послышался, прошептал:

– Беги до рябины красной, там нора, полезай в неё – в деревне у себя и окажешься.

Она бежала что есть сил, но ноги так сильно болели, что до рябины она чуть не добежала. Упала и встать не смогла. Тут услышала позади себя рёв нечеловеческий. Обернувшись, увидела над собой бабку в воздухе парящую. Ох и в гневе та была, собралась было накинуться на Сонечку, да тут девочку кто-то подбросил и прямо в нору ту затолкал...

Очнулась Сонечка в больнице. Возле неё в слезах тётка Валя сидела. Увидела, что девочка глаза открыла, и давай её обнимать-целовать. Радости сколько было! Врач пришла, рассказала Сонечке, что в лесу её нашли у опушки. Ягодами та отравилась, чудом жива осталась.

Через пару дней вернулась девочка домой. Забываться всё понемногу стало, казалось, как во сне было. Так и подумала про себя Сонечка, однажды перебирая гречку.

– Ишь ты, приснился я ей, значит? – знакомый голос возмущённо шепнул в самое ухо.

Сонечка улыбнулась, но тут же радость сменилась страхом...

Счастливая лапка

В голове взбесившимся молоточком стучал пульс. Его удары ритмичной вибрацией передавались каждой клеточке пушистого тела. Кролик пытался восстановить дыхание. Не получалось. Его охватывал дикий, настоящий животный страх, что за каждым кустом, каждой травинкой, каждым камнем поджидает опасность.

Страх окунал с головой в панику, откуда кроличье сознание лишь изредка истерически выныривало с одной только мыслью: «Вашу мать, что происходит?! Что творится в этом чёртовом лесу?» Кролик даже боялся думать. Он был уверен, что кто-то услышит его мысли и вычислит укрытие.

«Сова... Это она во всём виновата! Надо вспомнить, что за бред она несла. Бред? Что-то про счастье... Счастливый... Так, так, так... Успокойся, тихо. Возьми ситуацию в лапы. Лапы! Да, да... Счастливая лапка... Она сказала, что у меня счастливая лапка! Не каждый кролик обладает такой. Может, поэтому все объявили на меня охоту? Им всем нужна моя лапка! Нет, это какой-то бред... Так, не важно! Надо срочно выбираться отсюда. Домой, к своим. Они помогут. Хозяин не даст меня в обиду. Бежать! Куда? Темно же!»

Он ещё плотнее прижал уши к голове. Вытянул шею настолько, насколько позволяла её короткая длина. Поднял ухо, второе. Пошевелил обоими. Отчётливо увидел, нет, услышал, что кто-то скрывается в темноте. «Отсидеться до рассвета или рискнуть? Так! Если моя лапка счастливая и она всегда при мне, значит, мне повезёт. Я смогу улизнуть от любого!» Мысли в кроличьей голове металась так же быстро, как кровь в его жилах. Он непроизвольно застучал лапкой. Той самой, счастливой. Или другой?

«Чёрт! Чёрт! Чёрт! Возьми, возьми себя в лапы, лапы – в ноги и беги. Беги, не оглядываясь, не чуя земли. Быстро!» И он рванул. Кролик бежал, петляя и запутывая следы. Он слышал шорохи позади, и слева, и справа. Видел тени, бегущие за ним, догонявшие его. Ощущал дыхание опасности, которое проникало глубоко в ноздри. Кролик неумоимо шевелил ими, чтобы изгнать из нутра этот холодный, пугающий запах, но тот, гонимый ветром, снова и снова проникал внутрь.

«Быстрее, ещё быстрее. Беги что есть мочи! Звериные боги, дайте сил!» И вот впереди уже почти совсем близко показались огни хозяйского дома. Кролик ускорился. Открылось второе дыхание. Предвкушение скорого спасения подарило новый ресурс скорости. Сверхспособность. И зачем он только послушал эту сороку? Эту дурацкую болтливую птицу, которая залетела на днях к ним во двор. Сорока болтала без умолку, трещала про сову-вещунью. И все обитатели двора слушали её, разинув пасти.

«И я повёлся. Не послушал крольчиху, идиот! Сиганул в лес. Дурак, ох, дураак!» А вот и забор. Спасительный. И дырка в заборе. Будка Рекса. «Спит себе и не знает, что я самый смелый!» Сердце наконец сбавило ритм. Клетка. Родимая. «Всё, победа! Я всех их сделал. Дааа, я такой!»

Утром ночные приключения казались кролику страшным сном. Сова-предсказательница. Лес, полный опасностей. Смертельная погоня. «Всё позади. Я герой! Надо крольчатам рассказать. Пусть знают, какой у них... папка. А вот и хозяин. Переживал, наверное, что меня не было. Ну ничего, ничего. Подхватил меня. Соскучился, что ли? Куда-то понёс... Сарай... Что за сарай?»

Топор... Темнота... Холодная и какая-то липкая. И только где-то вдалеке глухим эхом послышался голос хозяина:

– Лизка, держи! Счастливая кроличья лапка.

Сыграй мне свой «Реквием»

Василина перебирала клавиши на пианино, наигрывая любимую мелодию – из фильма «Реквием по мечте». Когда-то девушка выучила её буквально за час. Сквозь открытое настежь окно ветер играл занавесками, впуская в комнату свежий после дождя и грозы воздух.

Настроение у Василины было под стать погоде, грустное. Мыслей в голове не было совсем. В комнату зашла мама, следом за ней протянулся шлейф перегара.

– Всё сидишь брэнчишь... Лучше бы работать пошла. Дома жрать нечего, а она играет, – мать скорчила гримасу и передразнила пальцами игру девочки на пианино.

Василина молча встала и заглянула в соседнюю комнату: брат и сестричка мирно сопели в кровати.

– Хорошо, мама, завтра я пойду искать работу, – спокойно ответила девушка.

– Вот и иди, – уже засыпая, огрызнулась мать.

Каждое утро для семнадцатилетней Василины было днём сурка, проходя по одному и тому же сценарию. Она вставала, готовила завтрак младшим, себе – только чай без сахара и кусочек хлеба. Мыла чашки, всё прибирала, чтобы не появилось лишнего повода для скандала.

Её мать была несчастной женщиной, девушка её жалела, считая, что жизнь к родительнице была несправедлива. Три брака, и все неудачные. Трое детей, работы нет. И если мама выпивала, значит, ей так было легче. Василина часто вспоминала те времена, когда мама была другая – весёлая, лёгкая, беззаботная. Но всё поменялось. Не сразу, постепенно.

Василина отвела брата и сестру в детский сад. Воспитатель напомнила про родительское собрание, сделав акцент на том, чтобы пришла именно мать. Девушка сложила вещи в шкафчики и тихонечко удалилась – ей было неловко обманывать, потому что, как всегда, на собрание придёт она сама.

Василина отправилась в стеклоприёмку. Женщина, которая принимала тару, каждый раз удивлялась, как такая хрупкая девушка может тащить на себе мешок с бутылками вдвое больше себя. Приёмщица всегда угощала ту конфетами – три штуки, ей и младшим. Но девушка никогда не ела свою – оставляла для следующего раза, чтобы получить ещё одну и отдать брату и сестре.

На вырученные деньги Василина купила картошку, молоко, хлеб и геркулес. Продукты она оставила у соседки, бабы Вали, и побежала в офис – расположенную недалеко от дома высотку, где подрабатывала уборщицей.

В конце рабочей смены девушка поднялась на крышу здания. Вид отсюда потрясал, но главное – она чувствовала себя свободной, смотря сверху на город. Василина забралась на парапет крыши. Ветер развеивал платье и белоснежные кудрявые волосы. Она расставила руки в стороны, закрыла глаза и выставила одну ногу вперёд, будто собираясь сделать шаг...

– А ты смелая! – вдруг раздался мужской голос.

От неожиданности Василина покачнулась и сорвалась, но крепкая мужская рука вовремя ухватила её. Сердце бешено стучало, в любую секунду рука могла выскользнуть. Девушка смотрела на незнакомца большими изумрудными глазами, слёзы предательски бежали по щекам. Молодой мужчина с лёгкостью поднял её обратно.

– Дурак, – со злостью прокричала Василина и оттолкнула от себя парня.

– И это твои слова благодарности? – смеясь ответил молодой человек.

Но Василина уже не слышала его, она бежала по лестнице вниз к лифту.

Заскочив в троллейбус, Василина нырнула на заднее сиденье. Она до сих пор не могла отдышаться, пульс отбивал по всему телу – пришло осознание того, что она могла только что погибнуть. Там, на крыше. Девушке было страшно не за себя – за младших. Она ни на минуту не могла себе представить, что было бы с ними без неё.

– Даже спасибо не сказала, – рядом сидел тот самый парень с крыши. – Если вдруг тебе интересно знать имя спасителя, то я Святослав.

Василина не понимала, как он мог оказаться здесь, ведь она забежала в уже отходивший от остановки транспорт.

– А ты мастер неожиданных появлений, – наконец переведя дух ответила девушка. – Я Василина.

– Ага, знаю, – безразлично ответил парень.

Дальше они ехали молча. Девушка чувствовала на себе его пронизывающий, словно рентген, взгляд. Было неловко, но очень любопытно. И всё же она не решалась повернуться к нему. И только подъехав к своей остановке, Василина встала напротив дверей, сказала спасибо, не поворачиваясь в сторону парня, и вышла из троллейбуса.

Дома была привычная картина: мать, хорошо набравшись, спала, в комнате стоял стойкий запах перегара. Детей забрала соседка.

Василина варила на кухне картошку и пыталась вспомнить лицо Светослава, но почему-то не получалось. В памяти вырисовывался только безликий силуэт человека, подарившего ей вторую жизнь. Девушка вспомнила то острое ощущение, когда она будто тряпичная кукла беспомощно свисала с крыши, и мороз пробежал по всему телу.

Погруженная в недавние воспоминания Василина, не заметила, как на кухню зашла мать. Выглядела она хуже, чем обычно: слипшиеся, давно не мытые волосы, отёчные темноватые мешки под глазами. Женщина упёрлась рукой о стол, посмотрела на Василину мутным, блуждающим взглядом.

– Денег принесла? – едва держась на ногах, спросила мать.

– Ма, я потратила всё на продукты, – тихо ответила Василина.

Мать схватила тарелку с картошкой со стола и швырнула в стену. Василина замерла от неожиданности.

– Ма, зачем?..

– Водки, дура, принеси мне, помираю я, не видишь?! – женщина прислонилась к стене и начала сползать по ней. Василина вскочила со стула и побежала к соседке. В коридоре девушка слышала, как мать начала стонать, скорее, это больше было похоже на вой собаки.

Девушка нажала звонок соседской двери.

– Баба Валя, миленькая, дай для мамы сто грамм, плохо ей, помирает.

– Эээ, помирает! – протянула соседка. – Да она у тебя каждый день помирает. Нет у меня и не проси.

– Ну пожалуйста, я знаю, что есть! Я отработаю, честное слово. Хотите завтра полы помою, окна, неделю в магазин буду ходить и мусор выбрасывать?

Пожилая женщина посмотрела на девушку сочувственным взглядом и отрицательно покачала головой. Василина не выдержала, слёзы фонтаном брызнули из глаз. – Родная, пожалуйста, ну плохо же ей, молю тебя! Мать помрёт, мелких в детдом отдадут...

Баба Валя всё понимала, ей было жалко девчонку.

– Завтра в магазин сходишь мне за хлебом, – протягивая шкалик, сказала соседка.

Принеся домой заветное для матери пойло, Василина заботливо протянула ей стакан.

– Ааа, притащила! – женщина трясущимися руками схватила емкость и залпом выпила содержимое, вытерла капли с подбородка пальцами и облизнула их. На лице её появилась кривая улыбка. – Что, Васька, живём? – и хриплым голосом завывла песню Лепса «Рюмка водки».

Василина хотела помочь матери встать, но та яро сопротивлялась и отпихивала девочку. В конце концов девушке всё же удалось проводить родительницу до кровати. Она присела возле женщины и, поглаживая ту по руке, сказала:

– Мам, давай как раньше, как в детстве, ты счастливая и красивая? – шёпотом произнесла Василина.

Но мать её не слушала и продолжала петь. Ей было плевать, что говорит дочь.

Василина надела наушники, включила музыку на стареньком плеере и погрузилась в сон.

Проснулась девушка от того, что кто-то сильно тряс её за плечи. Открыв глаза, она никого не увидела. Только густой серый дым охватывал комнату. В нос ударил резкий запаха гари. Василина подскочила, не раздумывая схватила брата и сестру и побежала в сторону выхода. Дверной замок заклинило, девушка в панике дёргала его в разные стороны, пытаясь открыть, но ничего не получалось. Она толкала дверь всем телом, плечо уже болело. Испуганные малыши расплакались.

– Сейчас, сейчас, мои хорошие... Мааам, мама, мааам!!! – истошно звала девушка.

Наконец дверь поддалась. Василина командным голосом прокричала младшим выбегать на улицу, а сама рванула в квартиру, чтобы спасти мать. Но в этот момент её будто кто-то схватил за руку, не давая зайти в дом. И тут же пламя охватило коридор. Василину это не оставило, она вырывалась изо всех сил, раздирая криком голосовые связки. Она металась, как загнанный зверь, перед глазами была пелена. Развернувшись, она увидела, как пожарные бегом поднимаются по лестнице. Один из них резко оттолкнул девушку в сторону, укрыл плечи пледом и аккуратно, но быстро повёл в сторону выхода.

Не до конца понимая всего происходящего, девушка крутила головой в поисках того, кто держал её за руку и не пускал в квартиру. Но из-за дыма ничего не было видно.

Уже сидя на детской площадке у дома, Василина прижимала к себе брата и сестру и отрешённым взглядом смотрела в никуда. Она отвечала на какие-то вопросы, не понимая их, не видела, кто с ней разговаривал, не понимала, что от неё хотели. Девушка знала только одно: своих малышей она не отдаст никому. Она словно тигрица охраняла своих тигрят, готовая атаковать любого, кто посмеет их забрать.

Василине и малышам разрешили остаться у бабы Вали до тех пор, пока органы опеки не выйдут на связь хоть с какими-то родственниками. Через день оттуда пришла женщина и сообщила, что Василину заберёт к себе бабушка, а вот младших придётся оформлять в детский дом. Девушка никак не отреагировала на это, только попросила разрешить им остаться вместе у соседки до завтра.

На следующее утро пожилая женщина обнаружила на кухонном столе записку:

«Баба Валя, простите, но я не могу отдать малышей никому. Они без меня пропадут, да и я без них не смогу. Я взяла у вас денег, не могла поступить иначе. Обещаю вернуть, честное слово. И ещё раз простите, спасибо вам за всё. Вы для меня были самой родной».

Женщина присела на стул, роняя слёзы.

– Что же ты, дурёха, делаешь... Храни тебе Господь!

Василина шла по улице, держа за руки брата и сестру. Ей казалось, что она находится в огромном лабиринте, из которого никогда не найти выхода. Девушка шла и думала, что виновата во всём. Что принесла ту злосчастную выпивку. Что позволила тем вечером перед сном допустить себе мысли, что им и правда было бы лучше без мамы.

Ей хотелось плакать, сердце разрывалось от боли. Девушка чувствовала ответственность за младших, она не понимала, правильный ли путь выбрала для них, но таила надежду, что выход обязательно найдётся.

Они зашли в столовую, Василина взяла младшим по тарелке супа и компот, себе, как всегда, только чай – здесь она могла попить его сахаром, и несколько кусков хлеба. Нужно было экономить. Наблюдая, как дети уплетают суп за обе щёки, она вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд.

На Василину поглядывала старушка, сидевшая слева от них за столиком у окна. Вокруг неё было множество сумок, будто она куда-то переезжала. Бабушка жадно поедала кусок курицы, сок стекал по её рукам, капая на потрёпанное платье. Обглодав куриную ножку до кости, которой она продолжила громко почмокивать, старушка пристально уставилась на детей.

Про себя Василина отметила, что старуха с этой костью в руках и двумя выпирающими сверху передними зубами грязно-жёлтого цвета напоминает Бабу Ягу.

– Вижу, жить вам негде, – откладывая косточку на тарелку и вытирая сальные руки прямо о платье, проговорила бабка.

– Есть, конечно, мы не беспризорные, у нас дом есть и мама! – с опаской ответила Василина.

– Врёёшь, – протяжно ответила бабка. – Нет у вас дома, сгорел давеча, и мать померла.

Василину от этих слов будто ошпарило кипятком. Она наградила старуху презрительным взглядом – девушке не хотелось лишний раз поднимать болезненные воспоминания, тем более при младших.

– Да-да, знаю всё. Ещё я знаю, что ты это сделала. Но никому не скажу, будь уверена! – хитрым голосом почти прошептала бабка.

– Вы явно не в себе, – Василина хотела бы уйти, но малыши ещё не доели. Поэтому она просто отвернулась от старухи, решив больше не обращать на ту внимания.

А бабка продолжала:

– Ты сама знаешь, о чём я. Покровитель сильный у тебя. Ты только помни: за всё придётся платить.

Василина не выдержала и развернулась, чтобы возмутиться, но бабки и след простыл. За столом было абсолютно чисто. Девушка не могла объяснить, как такое могло быть: она отчётливо видела бабку, даже чувствовала запах курицы, нашпигованной специями, слышала чавкающий звук.

Девушка схватилась за голову, в которую вползали мысли, что она начинает сходить с ума. Слова бабки застряли в голове: «Ещё я знаю, что ты это сделала», отзываясь в ушах противным старушечьим голосом.

Мысли о здоровье своего рассудка Василина решила отложить на потом, сейчас важнее найти место для ночёвки. Был только один вариант: позвонить школьной подруге, но девушка сразу его отбросила. Там их могут искать. Надо выезжать за город.

Сев в первую электричку, которая стояла на перроне, Василина даже не понимала, куда они едут, но решила, что выйдет на шестой по счету станции. Так подсказывал её внутренний голос, она лишь подчинялась его решениям. Впрочем, другого ничего не оставалось.

Выйдя из электрички, сёстры и брат какое-то время постояли на перроне, держась за руки. Василина огляделась, чтобы понимать, в какую сторону лучше идти. С неба закапали крупные капли дождя, спустя несколько минут превратившись в ливень стеной. Дети, тут же промокшие до нитки, побежали по тропинке через лесок, которая вывела их к небольшой деревушке.

Выбирать дом не было времени, и Василина забежала в первую с виду заброшенную постройку. Главное – есть крыша, а это уже что-то. Ставни дома были закрыты, поэтому в помещении царил полумрак, пахло сыростью, даже затхлостью. Когда глаза более-менее привыкли к темноте, девушка разглядела кровать, стол, печку, сундук. В последнем нашлись старые вещи. Василина расстелила их на кровати и уложила малышей. Растопила печку. Заглядевшись на язычки пламени, она задремала.

Сквозь сон девушка слышала крик матери: «Васька, Васька, дрянь такая!»

Василина встала, на секунду замерла, прислушиваясь, показалось ей или приснилось. Но голос матери раздался вновь. Девушка вгляделась в мрак комнаты. За столом сидела фигура. Приглядевшись, девушка с ужасом узнала в ней мать.

– Ма? Как?..

– Что, не ожидала меня увидеть? Какая же ты мразь! – её голос был такой же, что при жизни, с хрипотцой.

Каждое слово матери было настолько невыносимо слышать, словно она проводила гвоздём по стеклу. Василина сжалась, выдавив из себя еле слышно:

– Прости, ма!

Силуэт женщины в секунду оказался возле дочери. Она наклонилась над девушкой и с кривой ухмылкой, зная, что каждое её слово причинит боль Василине, произнесла:

– А детей я заберу с собой, – она повернула голову в тот угол комнаты, где спали малыши, и снова посмотрела на старшую дочь.

Василина подняла глаза. Перед ней стояла мать, когда-то любимая и любящая. Но сейчас... это была уродливая, с перекошенным лицом, со шрамами от ожогов женщина, которая ненавидела свою дочь.

– Ты же сдохла... Сдохла, сдохла! Сгорела в аду, – впадая в истерику, кричала девушка. – Тебя больше нет!

Отняв от лица ладони, девушка с облегчением увидела, что женщины в доме не было.

Остаток ночи девушке Василине так и не удалось сомкнуть глаз, и утром она чувствовала разбитость. Девушка сидела возле детей, как коршун, вздрагивая от любого звука.

Добравшись до местного магазинчика, она купила малышам хлеб, молоко и по одной конфетке. Заодно узнала у продавщицы, где можно искупаться. Женщина за прилавком, не отрывая взгляд от книги, махнула рукой в сторону и добавила, что идти минут десять.

Спускаясь к воде, Василина увидела рыбака. «Как удачно, – подумала девушка, – может, продаст нам пару рыб на ужин». Но подойдя ближе, она оторопела. Этим рыбаком был... Святослав.

– Долго же ты! Смотри сколько уже наловил, знатный ужин будет. Чего стоишь? Чистить умеешь?

Василиса ошарашенно кивнула головой.

– А ты как нашёл меня?

– Ты что, ещё не поняла? Ты особенная!

– Это я поняла... сегодня ночью, – опуская глаза, сказала девушка. – Я не просила никакой дар, мне он не нравится! Я хочу, чтобы было всё как раньше. Ты слышишь? Как раньше! – Василина заплакала.

– Ну, прекращай реветь, рыбу мне всю перепугаешь! А о таком не просят, оно либо есть, либо его нет. Смирись! – повышая голос, ответил Святослав.

– Не буду я с этим мириться! Мне страшно. Помоги мне. Она сказала, что заберёт их, – девушка осторожно кивнула в сторону стоявших чуть поодаль детей.

Святослав ничего не ответил, только тяжело вздохнул.

Они провели вместе весь день, дети накупались, наелись вкусной ухи. Василина отметила, что парень очень добр и заботлив, хотя она до сих пор не могла привыкнуть к его внезапным появлениям и побаивалась. На закате он проводил их до дома.

– Ты останешься? – Василине не хотелось снова ночевать одной, а в компании Святослава она чувствовала себя на удивление спокойно.

– Не могу, прости, – Святослав нежно поцеловал её в щеку и ушёл не оборачиваясь.

Этой ночью, как и боялась Василина, мать явилась снова. Всё так же орала своим скрипучим голосом, выплёвывая обвинения в сторону дочери. Василина забилась в угол комнаты, поближе к детям, и зажимала уши руками. Девушка не хотела слышать мать. Она ненавидела

её и свой дар. Девушка боялась, что мать заберёт детей. От одной только мысли об этом злость закипала в венах. Мать орала до первых петухов, с рассветом стихла, и Василина, успокоившись, задремала у кровати с малышами.

Когда утром пришёл Святослав, девушка молила его помочь, рассказала, что мать вновь приходила и что будет приходиться до тех пор, пока не выполнит обещанного. А пока Василина следит за детьми, с ними она ничего сделать не может.

Святослав ничего не отвечал, он просто молчал, потому что знал, что не в силах изменить то, что должно случиться...

Солнце ласково грело, дети купались и радовались, всё казалось прекрасным: щебетание птиц, стрекот кузнечиков, лёгкий ветерок. Василиса не заметила, как задремала. Во сне дети тоже плескались и смеялись. Сестра махала рукой, Василиса ей отвечала тем же, пока вдруг не поняла, что девочка махала не ей.

Обернувшись, Василина увидела мать. Та, держа за руки малышей, исчезала словно туман. Напоследок она повернулась, одарив дочь кривой улыбкой, и одними губами прошептала: «Забрала».

Василина очнулась ото сна, в панике стала звать брата и сестру, но они не откликнулись. Святослава тоже не было, девушка оказалась совершенно одна. Солнце, ветерок и пение птиц уже не казались такими прекрасными. В ту же минуту вся округа услышала пронзительный крик, полный боли и отчаяния. Что это был за зверь, никто так и не узнал.

Девушка вернулась в дом, она сходила с ума, металась. Сердце разрывалось от боли. Василина всё-таки потеряла их, своих малышей. Чем сильнее ненависть закипала в ней, тем больше она ощущала прилив силы, которую нужно было куда-то выплеснуть. Девушка крушила вокруг себя всё, ломала мебель, как спички, и отправляла в печь. Казалось, что та сейчас взорвётся – чёрная копоть валила из старых щелей.

И тут сквозь дым появился он. Святослав.

– Что мне со всем этим делать? – всхлипнула Василина.

– Я научу, всему своё время. Не грусти из-за детей... – он не успел закончить.

– Не смей! – Василина пресекла его взглядом.

– Здесь не стоит оставаться! Надо уходить, – Святослав взял девушку за руку. Он почувствовал, что та готова к полному перерождению, что её рука сейчас не та, что на крыше. Сейчас в ней была власть и сила. Парень был доволен тем, что сделал правильный выбор. Он не ошибся в ней.

Почти всю ночь они шли пешком через лес. Василине не было страшно, наоборот, это место дарило спокойствие. Сейчас она как никогда испытывала чувство голода. В животе то и дело громко заурчало.

– О! Да у тебя зверский аппетит, – наблюдая, как девушка ест бифштекс в ночной придорожной забегаловке, сказал Святослав. – Ты полегче давай.

Но Василину было не остановить, она всё ела и ела, ей хотелось ещё. Чувство насыщения не приходило. Тогда Святослав остановил девушку, качая головой и указывая, что хватит. Василина оскалилась, показывая недовольство.

Вообще она была в ужасе от себя, от этих зверских повадок. Но Святослав успокоил, что это временно, так бывает, когда человек окончательно принимает свой дар. Он уверил, что скоро в её жизни всё круто переменится. Впрочем, она и сама это чувствовала.

Дальше свой путь они так же продолжили пешком, шли до заката без остановок. Наконец остановились в придорожном отеле. Проблем с заселением не возникло. Святослав мастерски с помощью гипноза заполучил лучший номер и бесплатный ужин.

После трапезы Василина, поддавшись последним человеческим чувствам, рассказывала Святославу всю свою жизнь. Он дал ей выговориться, понимая, что это последний выдох её

человеческой сущности. Слушал молча, несмотря на то что знал о ней всё, начиная с рождения и до их первой встречи. Наконец Василина замолчала, досказав до истории о пожаре, посмотрела на парня отречённым взглядом:

– Скажи, это и правда я?

Он всё понимал, он знал, что этот вопрос рано или поздно встанет, но промолчал. Нельзя было сейчас ей говорить, нужно дождаться момента полного отрешения от человеческого. Иначе всё будет напрасно. Чувство вины, присущее только людям, заглушит то самое начало. А он этого ждал сотни лет и не мог позволить какой-то человеческой слабости всё испортить.

Но её взгляд... Она не оставит свой вопрос без ответа. Внутри Святослава что-то кольнуло, словно маленькие иголки протыкали плоть изнутри. Что с ним?

– Надо ложиться, у нас ранний подъём. Впереди долгая дорога. Спи! – резко и как можно более грубо, чтобы дать понять, что он контролирует ситуацию, сказал Святослав. – Поняла?!

Василина просто отвернулась, ничего не отвечая. Ей не хотелось спорить, ведь он сейчас был единственный, кто был рядом, понимал её и знал, как быть дальше. Ночью девушка так и не смогла уснуть. Почему Святослав не ответил на вопрос? Василина прокручивала тот злополучный вечер в голове, словно кассету на повторе. Ничего! Никаких воспоминаний. Значит, не она? Её совесть чиста? Как бы там ни было, чувство любви к матери не покидало, она искала оправдание и ей, и себе. К своему ужасу девушка понимала, зачем та забрала малышкой. От этой мысли слёзы катились по щеке на подушку. Василина хлюпнула носом.

Святослав не столько слышал, сколько чувствовал, что Василина плачет, он читал её мысли. Но сейчас он не мог ничего поделать – она сама должна была отказаться от всего, добровольно. Он сжал кулаки. Что он чувствовал? Злость! Сейчас ему хотелось наорать на неё, дать пощёчину, но нельзя, и это было тяжело.

Они оба так и не сомкнули глаз той ночью.

Чтобы как-то взбодрить девушку, Святослав научил её маленьким ловкостям гипноза. Василина в три счёта заставила хозяина отеля опустошить кассу и принести им горячий кофе с оладьями. Девушку это явно позабавило. Молодая пара покинула отель, но никто даже и не помнил, что они там были.

Святослав сказал, что идти примерно ещё сутки. Василина не понимала, почему они идут пешком, когда с лёгкостью могли поехать на попутке или рейсовом автобусе, но соглашалась и покорно шла за своим проводником.

Ближе к вечеру они встретили в лесу семью туристов – молодую пару с двумя детьми, мальчиком и девочкой. Женщина предложила присоединиться к ним и поужинать. Семья оказалась гостеприимной и весёлой. Василина не отводила взгляд от детей. Святослав видел это, и ему совсем не нравилось, что в девушке вновь пробуждались отголоски сестринских чувств.

Утром он наблюдал, как Василина резвится с малышами на поляне, ловя стрекоз и бабочек сачком. Та словно ожила. Её белокурые волосы развевались на ветру, а звонкий счастливый смех заполнял всю опушку. Но им надо было уходить. На мгновение девушка застыла, повернулась к Святославу и покачала головой, моля тем самым остаться ещё ненадолго. Но парень был не преклонен – пора!

Девушка подошла к супружеской паре, обняла каждого и что-то прошептала на ухо. В ответ они радостно закивали головами и второпях исчезли в палатке.

– Ты что творишь, сбрендила? – Святослав дёрнул Василину за руку. – Мы не можем взять детей с собой. Это их дети. Опомнись! – он ударил девушку ладонью по лицу.

– Я без них не пойду! – держась за пылающую щёку, со злостью ответила Василина.

– Валяй! – хлопнув в ладони, ответил Святослав. – И скольких детей ты ещё погубишь? Они – обуза, они с тобой пропадут, они тебе не нужны! – уже подойдя к девушке, прошептал парень и затряс её за плечи, словно приводя в чувства.

– Мне плевать на то, что ты говоришь! – прошипела она в ответ.

Из палатки вышли муж и жена с двумя детскими рюкзаками, окликнули малышкой. Те послушно подбежали к родителям. Мать сказала, что они должны идти с Василиной, погладила обоих и поцеловала. Отец стоял молча, без эмоций, словно дерево.

Дети с опаской посмотрели на девушку, потом на родителей. Девочка заплакала, говоря, что хочет остаться с мамой. Но женщина не замечала слёз, она настойчиво подталкивала ребёнка к Василине. Детские мольбы переросли в крик, и мать занесла ладонь, чтобы ударить дитя.

Василина перехватила руку, не давая той осуществить задуманное.

– Ты доволен? – обратилась она к Святославу, в голосе звучала ненависть.

Девушка могла легко с помощью гипноза заставить детей уйти с ней, но понимала, что они никогда бы её не полюбили так, как любят родную мать. Вскинув руки вверх, Василина сняла с родителей наложенный гипноз. Костёр взвился вверх. Вороны на ветках закаркали, будто смеясь. Воцарилась тишина. Женщина, увидев, что дочь плачет, обняла её, не понимая, что происходит.

Василина молча развернулась и пошла в глубь леса. Святослав замёл следы и отправился за своей подопечной. Он был зол и не знал, что ещё можно ожидать от неё за время пути. А пока стоило поторопиться – времени оставалось всё меньше. Обращение должно произойти уже сегодня ночью.

Нагнав девушку у реки, он с разбегу обхватил её обеими руками и прыгнул в воду. Василина сопротивлялась, она словно змейка извивалась в его объятиях, но чувствовала, что лишь глубже и глубже уходит под воду. Её уже никто не держал, дно притягивало к себе. Девушка словно невесомое пёрышко опускалась вниз. «Будь что будет», – подумала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.